

А. Д. Каплин, И. М. Харченко

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ ВО ВЗАИМНЫХ ОЦЕНКАХ 1850-х гг.

В статье исследуется один из ключевых эпизодов во взаимной оценке исторических взглядов западников и славянофилов во второй половине 1850-х годов, а именно: после выхода в свет VI тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (1856 г.). Учитывая, что о знаменитом историке и его наследии сказано за более чем полтора столетия немало (хотя многое из этого требует переосмысления), более подробно речь идет о суждениях его оппонентов.

Ключевые слова: С. М. Соловьев, «государственная школа», А. С. Хомяков, славянофилы, «антиисторическое направление», история России.

Предлагаемая к рассмотрению тема заслуживает специального монографического исследования. В этом контексте никак нельзя не обратить внимания на суть непростых отношений самого крупного историка «государственной школы» С. М. Соловьева (1820–1879) и главы «православно-русского» («славянофильского») направления А. С. Хомякова.

Тема эта столь сложна, затрагивает такой широкий круг религиозных, философских, исторических, нравственных вопросов, требующих тактичного и неспешного размышления, что никак не может вписаться в пределы одной статьи, а потому мы вынуждены ограничиться лишь одним важным эпизодом, по мере необходимости выходя за установленные рамки. Речь пойдет о взаимных оценках, высказанных во второй половине 1850-х годов, а именно после выхода в свет VI тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (1856 г.) и его статьи «Шлецер и антиисторическое направление» (1857 г.)

Немало читателей (в том числе и историков) до сих пор убеждено, что написанное С. М. Соловьевым – это авторитетное слово выдаю-

щегося профессионала, многое же, что делалось на поприще истории славянофилами, – дилетантизм. На самом деле тот, кто имеет хотя бы некоторое представление о наследии А. С. Хомякова, мог убедиться, сколь много места он отводил уяснению сущности науки вообще, исторической в частности, и сколь велик его вклад в уяснение начал, путей исторического развития.

И, пожалуй, пора признать, что критерием здесь не может служить факт: занимаешь ли ты кафедру в университете (С. М. Соловьёв был ещё с 1855 г. и деканом историко-филологического факультета Московского университета, а с 1871 г. и ректором университета) или пишешь (порой) свои труды на клочках бумаги на почтовых станциях (как А. С. Хомяков); издаешь ли каждый год по увесистому тому или более двадцати лет составляешь свои записки, совершенно не заботясь об их публикации. Так в чем же тогда дело, если не в этом?

Учитывая, что о С. М. Соловьёве, его наследии сказано за более чем полтора столетия немало (хотя многое из этого требует переосмысления), мы более подробно остановимся на суждениях противной стороны. Причем ограничимся в основном лишь тремя небольшими заметками А. С. Хомякова, на которые до сих пор обращалось явно недостаточное внимание: «Замечания на статью г. Соловьёва «Шлецер и антиисторическое направление»; «О статье Чичерина в Русском Вестнике»; «Заметка по поводу статьи г. Соловьёва о Риле».

Причина появления «Замечаний...» такова. К. С. Аксаков напечатал в четвёртом номере за 1856 г. «Русской Беседы» подробный и, по мнению А. С. Хомякова, «вежливый, беспристрастный и очень дельный разбор VI тома «Истории...» С. М. Соловьёва. Но вместо ожидаемого серьезного возражения последнего и разбора спорных вопросов, Соловьёв, как считал Хомяков, избрал другой путь: «он напал на все то направление, к которому принадлежит его снисходительный рецензент» [9, с. 266].

Здесь нам необходимо сделать экскурс в историю. Хомякову не было нужды вмешиваться в полемику в её начале, о чем он не преминул упомянуть в своих замечаниях, потому что участники «умеют постоять сами за себя», да и слишком неравен был бы спор. Соловьёв же решил дать бой там, где его шансы были минимальны. В полемике ему пришлось выслушать аргументы человека, твердость убеждений, обширные познания, полемические способности которого уже давно и широко были известны, о чем впоследствии поведали многие мемуаристы.

Но дело даже не столько в этих качествах, сколько в самом мировоззрении Хомякова, который к тому времени уже два десятилетия работал над «Записками по всемирной истории», был автором богословских работ, которые поставили его в первый ряд христианских богословов, а Ю. Ф. Самарин называл его (после кончины) даже «учителем Церкви».

Безусловно, А. С. Хомяков прекрасно знал и русскую историю, прочно занимал главенствующее положение в «православно-славянском» направлении, тем более что уже умер И. В. Киреевский (1856), так что и разработка философских вопросов полностью стала его делом. Именно дорогое имя последнего, затронутое Соловьевым, и стало причиной вступления Хомякова в спор.

Он не собирается опровергать все несостоятельные подробности соловьевской статьи «Шлецер и антиисторическое направление», он указывает лишь на «самые замечательные», но, прежде всего, он в очередной раз (в очередной, потому что уже делал это сразу после смерти И. В. Киреевского) говорит об исторической задаче, которую разрешил его единомышленник, а «задача эта была – определение типов западного и восточного, т.е. тех идеалов, которые лежат в основе двух разнородных просвещений и двух разнородных историй» [9, с. 269].

Эту высокую задачу первый поставил И. В. Киреевский, и он же ее разрешил с «такою ясностию и с таким чудным глубокомыслием, что все дальнейшее развитие того же вопроса будет озаряться светом, который зажжен незабвенным деятелем науки. Вот исторический смысл его статей; а то направление, к которому он принадлежит, может гордиться его подвигом и добродушно улыбаться, когда приводят великую историческую заслугу в доказательство мнимого антиисторизма» [9, с. 269].

Итак, «добродушно улыбаясь», Хомяков сожалеет о том, что оппонент не понимает написанного Киреевским. Это «непонимание» и есть один из ключей к разгадке не только данного эпизода в отношениях С. М. Соловьева и А. С. Хомякова, но и к уяснению состояния русской общественной мысли XIX века. Об этом Хомяков говорит в самом начале своих «Замечаний...», о двух направлениях, к которым более или менее принадлежат все пишущие люди.

Одно из них «открыто признает за русским народом обязанность самобытного развития и право самотрудного мышления; другое... отстаивает обязанность постоянно-ученического отношения нашего

к народам Европы...» [9, с. 266]. К этому-то другому направлению и принадлежит С. М. Соловьев.

И А. С. Хомяков, горько недоумевая, пытается уяснить: какие причины мешают «такому трудолюбивому и образованному деятелю, каков г. Соловьев, отдать справедливость заслуге Киреевского и вообще понять то направление, на которое он нападает» [9, с. 272]. Обратим внимание на настроенность сторон. Одна «дает вежливый, беспристрастный и дельный разбор», «добродушно улыбается», «пытается понять», говорит, что у нее «нет охоты к полемике», «жалеет» историка, дает ему доброжелательные советы, терпеливо объясняет свои воззрения...; другая – «дает бой».

Исходя из текста, Хомяков не может не констатировать: «спутанность понятий... проникает насквозь всю статью г. Соловьева» [9, с. 273]. Но отчего же эта «спутанность»? Отчего историк, имея подобный арсенал, нападает на славянофилов? Хомяков предполагает: «можно подумать... что их [славянофилов. – А. К., И. Х.] понятия основаны на иной нравственной почве» [9, с. 273]. И он, как представляется, не давая себе воли утвердиться в подобном мнении окончательно, пусть в догадочной форме, но вынужден это констатировать.

Однако «нравственная почва» не самоценна, она определяется первоосновой – вероисповедованием. Но мог ли в таком случае предполагать А. С. Хомяков в своем православном брате «иную нравственную почву»? Ведь не атеист же в самом деле был перед ним (напомним, что С. М. Соловьев родился в семье московского протоиерея, преподававшего Закон Божий в Московском коммерческом училище)?

Вопрос столь серьезен, что мы, поставив его, попытаемся рассматривать лишь в пределах материала данной статьи, а он не позволяет решить его во всей полноте.

Фундаментальные расхождения А. С. Хомяков устанавливает в самом начале «Замечаний...» по отношению к «обязанностям развития» и «правам мышления» каждого народа. Для него, как и для И. В. Киреевского, истории западная и восточная разнородны, потому что разнородны идеалы, которые лежат в основе просвещения Запада и Востока. В основе русской истории – Православная вера, от которой уклонился Запад.

Для С. М. Соловьева законы развития русской и западноевропейской истории одни и те же. Одинаково и могущественное внутреннее

условие, определяющее духовный образ – христианство. Следовательно, внутренние условия или средства равны. Историк не подчеркивает коренные расхождения в вере. Более того – христианство он ставит в один ряд с наукой, вступая под знамена позитивизма и некоторых иных «-измов» [7, с. 43–55]. И причины задержки развития русской жизни, как считает Соловьев, – в неблагоприятных внешних условиях. Отсюда задача – учиться.

Эти соловьевские суждения намеренно взяты нами из его «Публичных чтений о Петре Великом» (1872 г.) Они в данном случае весьма уместны и показательны, ибо прошло полтора десятилетия после обмена мнениями об «историчности» и «антиисторичности», уже давно не было в живых главных оппонентов Соловьева, взгляды же его (о которых даже сдержанный и доброжелательный А. С. Хомяков говорил, что они с кафедры произносятся «с крайней наивностью»), остались неизменными и произносились уже маститым ректором университета. И снова речь идет об учении. И как пятнадцать лет назад, для историка учение есть подражание, хотя он и расширяет свое понимание учения.

Для А. С. Хомякова же «учение не есть подражание, оно есть пробужденное самомышление» и «разумное развитие отдельного человека есть возведение его в общечеловеческое достоинство, согласно с теми особенностями, которыми отличила его природа. Разумное развитие народа есть возведение до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного бытия» [9, с. 281, 284].

Итак, С. М. Соловьев, описывая историю России, исходит из общности ее законов с западноевропейскими. Но, как показал А. С. Хомяков в своей «Заметке по поводу статьи г. Соловьева о Риле»: «общая история не его специальность». В этой «Заметке...», стараясь быть максимально корректным, тем не менее, Хомяков был вынужден заявить, что «историк не уразумел исторического значения того умственного явления, которое он подвергает своей критике», и что «объяснения г. Соловьева вовсе не состоятельны. Но всего страннее то, что историк, сводя исторические явления под один закон, даже и не замечает их прямого противоречия между собою» [9, с. 345, 340].

Что же это за такой закон, которым теперь руководствовался историк? Хомяков указывает на это с иронией: «Главный характер,

избранный г. Соловьевым в последнее время, это характер рыцаря прогресса» [9, с. 342]. Но это «в последнее время», а что было раньше, да и во многом продолжало оставаться и «теперь» и «после»? Продолжение «учения» в смысле «подражания», но с претензией на «учительство».

Вот почему в своей реплике «О статье Чичерина в Русском Вестнике» А. С. Хомяков назвал «государственную школу» в числе устаревших. «Конечно, эта школа давно доказывала, что уже вовсе не понимает о чем дело идет...» [9, с. 322]. И далее он перечисляет вопросы, в решении которых они кардинально расходились. Итак, «Русская Беседа» с «государственной школой» «слов тратить не будет, разве для исправления каких-нибудь частных ошибок в частных исследованиях». А потому и появилась «Заметка о Риле», где опять указывается на «неуразумение». Что же движет А. С. Хомяковым в этом подчеркивании? Определенный ответ дает текст «Замечаний...». Не желание поспорить, хотя он далеко не обделен качествами истинного бойца. А. С. Хомяков вступает за истину, оставаясь на «нравственной почве», с которой никогда не сходил. А потому ему важно не только указать на слабые, непродуманные, неверные места «ловкого в полемических приемах» оппонента, не только указать на причины, откуда они берутся, но и желание помочь ему обрести верный взгляд на историю той страны, коей решил посвятить свою научную жизнь. А. С. Хомяков никоим образом не решает даже тени личной неприязни, старается быть максимально объективным. Посмотрим это по тексту.

А. С. Хомяков называет С. М. Соловьева «трудолюбивым и образованным деятелем», его первые отдельные исследования не лишены «истинного достоинства». Хомяков признает «неутомимую деятельность г. Соловьева, его любовь к науке и даровитость», он не думает «отрицать ни достоинства, ни полезности его исторического труда» [9, с. 272, 275, 282] и советует в конце концов избегать тех ошибок, на которые ему указывают его доброжелательные оппоненты.

Вышесказанное не идет ни в какое сравнение с оценкой А. С. Хомяковым значения трудов И. В. Киреевского. Может быть, в первую очередь потому, что первый был мыслитель, совершивший подвиг, а здесь всего лишь «даровитость».

Но ведь дар мы можем употреблять на разное и по-разному? Что же мы видим в оценке А. С. Хомякова? «Неутомимая деятельность» «трудолюбивого и образованного» С. М. Соловьёва, «его любовь к науке

и даровитость» приводят к тому, что он в шести томах «рассказывает не историю России, даже не историю государства Русского, а только историю государственности в России» [9, с. 282], где нет «жизни нигде».

А раз нет жизни, то – «мертвенность». А. С. Хомяков как опытный врач (а он был успешно практикующим врачом) констатирует мертвенность всего взгляда, которая отомстила за себя автору «в крайней мертвенности самой истории», где «обойдены все живые вопросы в истории» [9, с. 279]. Подражая западным учителям, известный историк не понимает ни своей, ни западной жизни. Таковы плоды. И А. С. Хомяков применяет абсолютный критерий: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7,16).

А. С. Хомяковым движет не чувство гордости (гордость ему была вовсе не свойственна, Н. А. Бердяев был совершенно неправ, утверждая, что гордость есть его отличительная черта [3]; чтобы убедиться в обратном, достаточно прочитать «Послание к сербам» (1860), (о чем ниже), и тем более чувство зависти. Он руководствовался иным, высшим – чувством братской любви. И потому как «друг науки» он искренне желает, чтобы «такое трудолюбие и такие способности» Соловьева «принесли, елико возможно, добрые плоды» [9, с. 282].

Но обойдены ли «все живые вопросы в истории» и имел ли право так говорить о нем А. С. Хомяков? И тут нам опять придется вернуться к тому, что было определено как «иная нравственная почва». Мы можем позволить себе ограничиться лишь комментариями к некоторым источникам.

В «Вестнике Европы» (1907 г., № 3–6) впервые был опубликован полный текст (с искажениями частного характера) «Моих записок для детей моих, а если можно, и для других» С. М. Соловьева (они были изданы в сокращённом виде в 1896 г. и уже тогда вызвали критические отклики [2]). В них вновь оживала полемика полувековой давности со славянофилами, которая отличалась со стороны С. М. Соловьева необоснованной резкостью, а то и злорадством тона по отношению к своим научным и идейным оппонентам.

А. С. Хомяков предстает «черным человеком», «не робевшим... ни перед какою ложью», «раздражительным, неуступчивым, завистливым, злым» «скалозубом»; С. Т. Аксаков, по мнению С. М. Соловьева, в молодости «легонький литератор», «стихоплет», в старости – «хитрый, с убеждениями ультра-западными»...

Подобные характеристики С. М. Соловьёвым были даны не только членам славянофильского кружка, но и известнейшим, уважаемым людям иных званий и положений. Московского митрополита Филарета (Дроздова) он изображает «страшным деспотом, обскурантом и завистником». Заметим к слову, что митрополит Филарет в 1994 году Русской Православной Церковью причислен к лику святых, но еще значительно раньше его ставили в ряд с такими великими святителями, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов [6, с. 90]. И именно с одобрения святителя Филарета «Православное Обозрение» с 1863 г. начало печатать богословские сочинения А. С. Хомякова.

В монографии о Церкви (1894) Е. П. Аквилонов констатировал, что «в русской богословской письменности по вопросу о Церкви более других сделали лица, не занимавшиеся специально этим вопросом, а именно: московский святитель митрополит Филарет и вождь наших славянофилов А. С. Хомяков» и «в лице этих знаменитых мыслителей наши духовная и светская школы как бы протягивают друг другу руки для общего всем «созидания» Церкви Божией и для ограждения последней от внутренних и внешних врагов» [1, с. 50, 54, 57].

Совокупность этих трудов Е. П. Аквилонов называет «твердыней современной православно-догматической науки о Церкви» и последующим православным писателям «остаётся пока только раскрывать и изъяснять добытые научные результаты». К. Н. Леонтьев вообще делил русское Православие на «филаретовское» и «хомяковское».

Естественно, тенденциозность С. М. Соловьёва не способствовала объективному, спокойному и доброжелательному исследованию славянофильства. И совсем не удивительно, что впоследствии Г. В. Флоровский назвал «записки» С. М. Соловьёва «самодовольно-зловными» [8, с. 272].

Кстати, близкими по духу к соловьёвским воспоминаниям о славянофилах были и мемуары Б. Н. Чичерина (написанные в конце 1880-х – начале 1890-х гг.), считавшего, что «ни одной путной мысли о так называемых русских началах они не высказали, а рассеяли только множество кривых воззрений...» [5, с. 157].

Как видим, недаром чувствовалась «иная нравственная почва», на которой возрастали не только исторические, но и другие взгляды С. М. Соловьёва, в чем мы убеждаемся, читая не только его «Записки». Теперь нам понятней и слова А. С. Хомякова: «Кажется строгая правда

и насилие неравномысленны ни в каком человеческом наречии, а г. Соловьев их смешивает» [9, с. 274]. И вот эта «смешанность», «спутанность понятий» не только проникает насквозь всю статью С. М. Соловьева («Шлецер и антиисторическое направление»), но и многое другое, что вышло из-под пера известного историка в последующие годы.

А. С. Хомяков дал свое понимание творческого пути С. М. Соловьева, и нам полезно обратить внимание на некоторые этапы. Хомяков отмечает, что первые отдельные исследования историка были не бесполезны и не лишены истинного достоинства, но С. М. Соловьев не довольствовался ими и скромным путем исследований. Он приступил к истории России. Но, по мнению А. С. Хомякова, всякому действительному ученому было ясно, что истории в смысле художественной летописи после Карамзина уже писать нельзя; для критической же истории не заготовлено достаточно предварительных исследований. Нужно было ими заpastись, но когда же кончится предварительная работа? «Историк решился обойтись без нее, что из этого решения вышло, мы имеем перед собою» [9, с. 282].

Трудно придумать более горькую оценку титанического труда. Многие современники смотрели иначе на дело, совершаемое С. М. Соловьевым. По мере увеличения числа томов «Истории России...» неловко стало вообще подвергать издаваемое критике, хотя бы и потому, что почти никто подобное уже не совершал. Этот труд стали называть подвигом жизни, и сомнения в его доброкачественности работали в общественном мнении прежде всего против оппонентов.

С. М. Соловьев считал, что «первая обязанность общества образованного разъяснить для себя значение деятельности великого человека, сознать свое отношение к этой деятельности, к ее результатам, узнать во сколько эти результаты вошли в нашу жизнь, что они произвели в ней, какое их значение для настоящего, для будущего...» [7, с. 42].

Конечно же, в данной статье мы не могли ответить с достаточной полнотой даже на часть этих вопросов применительно к автору этой цитаты. Мы позволили себе расставить лишь некоторые акценты, видя, что эта пора давно настала.

Посмертная судьба сделанного С. М. Соловьевым внешне довольно благополучна: им не пренебрегала ни одна власть, о нем высоко

отзывались: от крупнейшего философа XX века И. А. Ильина до рядового советского историка [4].

Судьба наследия А. С. Хомякова иная: в дореволюционной России его не только плохо понимали, но и немного читали; в советское время его прятали подальше с глаз, первый раз издав поэтический сборник только в 1969 году [10], а книгу очерков и статей – двумя десятилетиями позже [11].

Но значит ли это, что история все расставила по своим местам? Конечно же, нет. Более того она настойчиво призывает нас вернуться к далеким спорам 50-х годов XIX века.

Мы видим, что в них выявились два разных подхода к русской истории. Первый, внешне победивший и до сих пор не собирающийся нас покидать (по крайней мере, университетские кафедры), связан с признанием только общих для всех народов законов развития (но которые почему-то пересматриваются чуть ли не каждое десятилетие), видением задачи в подражании, взглядом на историю народа до Петра I как на «девятисотлетний рост будущей обезьяны» [9, с. 279]. Главный представитель второго называл свою родину иначе: «наша Святая Русь», нисколько её не идеализируя. Он искренне желал, «чтобы г. Соловьев узнал, наконец, в мнимых противниках истинных доброжелателей, которых цель даже в критике – навести его на такой путь, на котором его дарования могли бы принести добрые плоды» [9, с. 345].

Непредвзятое изучение наследия основоположника славянофильства А. С. Хомякова не может не убедить в том, что он имел дар «различения плодов».

1. Аквилонев Е. П. Научное определение Церкви и апостольское учение о ней как о теле Христовом / Е. П. Аквилонев. – СПб., 1894. – 254 с.
2. Бартенев Ю. П. Недоучки-славянофилы и высокоучёный западник-профессор (А. С. Хомяков и К. С. Аксаков по Запискам С. М. Соловьёва) / Ю.П. Бартенев // Русский Архив.– 1907. – № 8. – С. 557–563.
3. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. – М., 1912. – 251 с.
4. Иллерицкий В. Е. Советские историки о С. М. Соловьёве / В. Е. Иллерицкий // Вопросы истории. – 1981. – № 11. – С. 124–130.
5. Русское общество 40–50-х годов XIX в. – Ч. II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. – М., 1991. – 254 с.

6. Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. Историко-религиозный очерк / Серафим (Соболев). – СПб., 1994. – 184 с.
7. Соловьев С. М. Избранные труды. Записки / С. М. Соловьев. – М., 1983. – 437 с.
8. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – 3-е изд. – К., 1991. – 599 с.
9. Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т.1–8 / А. С. Хомяков. – М., 1900. – Т. 3. – 482 с.
10. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / А. С. Хомяков. – Л., 1969. – 595 с.
11. Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки / А. С. Хомяков. – М., 1988. – 462 с.

Каплин О. Д., Харченко И. М. Слов'янофіли і західники у взаємних оцінках 1850-х рр.

У статті досліджується один з ключових епізодів у взаємній оцінці історичних поглядів західників і слов'янофілів у другій половині 1850-х років, а саме: після виходу друком VI тому «Історії Росії з найдавніших часів» С. М. Соловйова (1856 р.). Враховуючи, що про знаменитого історика і його спадщину сказано за більш ніж півтора століття чимало (хоча багато з цього вимагає переосмислення), більш докладно йдеться про судження його опонентів.

Ключові слова: С. М. Соловйов, «державна школа», О. С. Хом'яков, слов'янофіли, «антиісторичний напрям», історія Росії.

Kaplin A.D., Kharchenko I.M. The Slavophiles and the Westerners in the Mutual Evaluations of the 1850s.

The article examines one of the key problems in the mutual assessment of historical views of Westerners and Slavophiles in the second half of the 1850s, namely after the publication of the 6th volume of «History of Russia from ancient times» by S. M. Solovyov (1856). Taking into consideration the fact that both the famous historian and his legacy have been told about a lot in more than a century and a half (although much of that requires rethinking), the article mainly focuses on the judgments of his opponents.

Keywords: S. M. Solovyov, «government school», Khomiakov, the Slavophiles, «anti-historical trend», history of Russia.